ПЕРВЫЙ СБОРНЫЙ РАБОЧІЙ ДЕНЬ.

Сегодня сборный день для лотерейной работы.

бабушки приготовленъ большой, \mathbf{y} длинный столъ; его покрыли клеенкой, чтобы дъти безъ опасенія возились на немъ съ клейстеромъ, нъсколько чистенькихъ дощечекъ лежатъ же, тутъ приготовилъ Михаилъ Павловичъ для тѣхъ, кто будетъ кроить папку. Миша съ Сашей суетятся, бъгають слъдомъ за отцомъ, заглядывають въ цвътныя, пестрыя бумаги, прыгають, цѣлують ахають, обнимаютъ другъ друга, ворчатъ на сестеръ и братьевъ, что такъ мѣшкаютъ, пробуютъ нитокъ, приготовленныхъ для крѣпость сшивки тетрадей, и при каждомъ стукъ экипажа подбъгаютъ къ окну. Наконецъ, осмотрѣвъ все и соскучась ждать, Миша проговорилъ съ сердцемъ:

 Они до вечера не пріѣдутъ, я это зналъ; пойдемъ лучше, Саша, позавтракаемъ!

- А что, Миша, у васъ назначенъ сборный часъ, или нѣтъ? спросила бабушка, вслушиваясь въ воркотню внука.
- Да, да, закричали дѣти на-перерывъ другъ передъ другомъ, всѣ согласились пріѣхать ровно въ 12 часовъ.
- Стало быть ранѣе 12-ти вамъ и ждать ихъ нечего, посмотрите-ка лучше, пробили-ль часы, спросила старушка.

Дѣти нѣсколько замялись, потомъ оба вдругъ, какъ бы сговорясь, бросились смотрѣть на столовые часы. — Безъ четверти двѣнадцать! сказала Саша, потомъ прибавила: — не отстаютъ ли они, какъ ты думаешь, бабушка?

— Ужь разумъется отстають, ръшительно закричалъ Миша, — а вотъ я побъгу на папиномъ хронометръ посмотрю! И дъти выбъжали.

Вскорѣ въ передней поднялась суматоха; маленькіе хозяева здоровались съ малюткой Мери и братьями ея. Саша прыгая, помогала сестрицѣ раздѣваться.

- Ахъ, Мери, какая моя Люба душка, это просто прелесть, какія она смѣшныя рожицы строитъ!
- А какая она послушная, такъ это чудо! кричалъ Миша, прыгая пробкой на одной ножкъ. Какъ скажу ей: Люба, сожми кулачки, она сейчасъ поворочаетъ головкой во всъ стороны и покажетъ оба кулачка.
- Пойдемте, важно сказала Саша, я вамъ покажу мою дочку, она не спитъ.

Но дѣтямъ велѣли прежде обогрѣться, и тогда позвали въ комнату Софьи Васильевны.

- Тетя, мама, теточка, кричали дѣти въ голосъ, покажи намъ Любу!
- А вотъ прежде поздороваемся,
 привътливо говорила тетка, лаская дътей поочереди, ну теперь смотрите, сказала она сторонясь.

За нею, на широкомъ диванѣ, стояла прекрасно сплетенная корзинка; въ ней на подушечкѣ, до половины покрытая бѣлымъ одѣяльцемъ, копошилась выспавшаяся и покормленая Люба. Она озиралась на все и

всъхъ СВОИМИ на ЯСНЫМИ глазками; подбородочекъ и румяныя щечки ярко пылали; младенца вѣяло ОТЪ тѣмъ тепломъ, которымъ весеннимъ такъ радостно дышится послѣ дождя.

Дѣти сначала молча радовались, окруживъ малютку. Мери долго смотрѣла, потомъ тихонько наклонясь, поцѣловала одѣяльце, гдѣ шевелились ножки ребенка. Софья Васильевна подняла Мери и дала поцѣловать ей Любу въ щечку: Мери всплеснула ручонками, когда малютка, почувствовавъ прикосновеніе, повернулась къ ней, и взглянувъ на нее, остановила на ней свои зеночки.

- Теточка, душечка, она меня узнаетъ! вскричала дъвочка, хлопая въ ладоши.
- Да когда же она тебя видъла?
 спросила тетка.
- А на крестинахъ-то вѣдь я очень высоко стояла, все время меня Сережа держалъ на стулѣ.
- Люба, Люба, кричалъ Миша, гдъ кулачки, покажи имъ свои крошечные кулачки, слышишь, Люба, покажи скоръе, а

подумають, что упрямишься, TO ТЫ приставалъ Миша. Устала ли малютка отъ или просто соскучилась сильнѣе только стала копошиться, вытащила ручонку, которая сорвалась у ней, и она со всего размаху хлопнула себя по личику. Дъти вскрикнули, малютка стала морщиться, чтобы плакать, утъшила ее тъмъ, что освободила Люба взмахнула ручку. другую уперлась сжала потомъ И своими крошечными кулачками въ объ щечки.

- Видите, видите кулачки! кричалъ Миша. Сережа дотронулся до ручки пальцемъ; малютка тотчасъ поймала его палецъ и крѣпко сжала его.
- О, да какая она сильная! сказалъ
 Сережа, тряся ручонку и цѣлуя ее.
- Видишь, Саша, она и Сережу узнала, говорила Мери; а Саша тихо стояла надъкрестницей и радовалась на нее почти радостью матери. Святой, чистой любовью развиваеть Господь чувства человъка, потому-то и окружаеть его съмладенчества семьею, и счастливъ тотъ, кто

не утратить ни одного изъ этихъ чувствъ на землѣ!

- Ну, что, дъти, не пора ли вамъ за дъло приниматься? спросила бабушка.
- Сейчасъ, сейчасъ, МЫ попрощаемся съ Любой, отвъчали дъти, окружая корзинку, и облѣпили ее, какъ липнутъ и тъснятся голубки вокругъ корма. хозяйка Молодая наслажденьемъ СЪ смотрѣла на простую, но истинную картину чувства. – Срисовать бы, подумала она, – Любочку въ корзинкъ, и всю эту стайку дътей надъ нею; нътъ, этого никто не изобразитъ, отвътила она сама себъ. – умѣлъ нужно, чтобы художникъ чувствовать, какъ дитя!
- Матушка, ужо, какъ Люба заснеть, и я также приду къ вамъ работать.
- Приходи, только чуръ у меня прилежно работать, смѣясь замѣтила старушка.
- И ты, тетя, также для нашей лотереи работаешь? спрашивали дѣти, окружая тетку.

Софья Васильевна, отряхнувъ свою работу, подняла ее вверхъ, и показала дътямъ крошечную полотняную рубашечку, держа ее за рукавъ.

- Это куклъ? спросилъ Сережа.
- Нѣтъ, Любѣ.....
- Тетя! быстро перебила Софью Васильевну Мери, и потомъ, немного запинаясь, договорила: а какъ ее никто не купитъ?
- О я увърена, что купять, съ шутливой важностью отвътила Софья Васильевна, у Любы есть кому о ней позаботиться, есть крестный отецъ и крестная мать! Кто нибудь изъ нихъ навърно купитъ.

Дѣти взглянули на Сашу, которая, радостно засмѣявшись, припала къ колѣнямъ матери и стала цѣловать и руки и работу, которую онѣ держали.

бабушкиной комнатѣ дѣти встрътились съ Зиной и Лизой; первая тарантила болѣе юлила какъ-то И обыкновеннаго, а Лиза пряталась; замътно было, что у дътей случилось что-то особенное. Поздоровавшись СЪ ними И посмотръвъ на Лизу, бабушка спросила: — Ты плакала, дружокъ?

- Нѣтъ, ничего, проворно отвѣтила дѣвочка; но когда почувствовала нѣжный поцѣлуй и крѣпкое объятіе бабушки, то рѣшимость ея не сказывать того, что случилось, растаяла, и она съ громкими рыданьями, прячась на груди старушки, проговорила: Теперь ужь Лилинькинъ стульчикъ не мой сталъ! онъ ужь Зининъ! она выпросила его у мамы, мама ей отдала его!
- Ахъ, Лиза, да коли тебъ его такъ хочется, такъ я пожалуй отдамъ, чъмъ жаловаться, прибавила Зиночка, вертясь и посматривая на всъхъ, но она нигдъ не нашла сочувствія. Сережа намъренно избъгалъ ея взгляда, Алеша, красный, какъ ракъ, закричалъ въ утъшенье меньшой сестры: Постой, Лиза, вотъ мы пріъдемъ, такъ отнимемъ у нея!
- Ужь теперь все равно, отвѣчала дѣвочка, тяжко вздыхая, мама ей отдала; и Лиза опять горько заплакала. А я бывало все Лилю на немъ закачивала, мы

все съ ней вмѣстѣ играли. Зиночку она никогда не манила къ себѣ и сама не шла къ ней на ручки! Я сегодня и говорю: ужь пусть Лиличкинъ стуликъ мой будетъ, а Зиночка побѣжала къ мамѣ и выпросила его себѣ! Теперь ужь онъ совсѣмъ ея сталъ!

Припавъ опять къ бабушкѣ и заливаясь слезами, неутѣшная дѣвочка проговорила: — Зина ужь поставила его къ себъ, къ своей кроваткъ!

Дѣти, неиспорченнымъ чувствомъ своимъ, оцѣнили права Лизы, и внутренно единодушно осудили Зину.

Старушка все еще держала внучку на рукахъ и что-то тихо ей говорила, но Лиза отчаянно повторяла, тряся головой: — Нътъ, нътъ, бабушка, этого не будетъ!

Жалко было бабушкѣ Лизу, ей стоило бы теперь только слово сказать Зинѣ, и она навѣрно отдала бы стульчикъ, но старушкѣ не хотѣлось дѣйствовать понудительно; она знала, что только то дѣло хорошо и полезно человѣку, которое дѣлается имъ отъ себя, по своему побужденію, по доброй волѣ. Передъ старушкой были двѣ дѣвочки:

одна въ сердечномъ горѣ, другая съ порокомъ себялюбія въ сердцѣ; жаль и ту и другую, но должно предпочесть Зину, чтобы ей помочь, ее заставить одуматься, пожалѣть Лизу и осудить самое себя. Чтобы долго не тянуть дѣла, и чтобы Зина, ради стыда передъ братьями и сестрами, не сдѣлала бы того, что слѣдовало ей сдѣлать послѣ борьбы съ собой, старушка спустила Лизу съ колѣнъ и сказала ей вслухъ:

- Это хорошо, Лизочка, что ты не хотѣла никому говорить о своемъ горѣ, теперь иди умойся, а послѣ приходи работать.
- Дѣти, сказала бабушка, обращаясь ко внучкамъ, я вамъ приготовила вязать крошечные чулочки, сладите ли вы?

Послышалось дътское неръшительное: — не знаемъ!

— Ну, посмотримъ, тетя и я, мы будемъ вамъ помогать.

Дѣти стали усаживаться. Михаилъ Павловичъ, какъ мастеръ переплетнаго дѣла, помѣстился посереди мальчиковъ: онъ присматривалъ за приготовленіемъ

клестера; Сережа положилъ въ кастрюлечку двъ горсти пшеничной муки, развелъ ее водою, и все мъшая, поставилъ на спиртовую лампу.

- Сережа, пусти меня варить клейстерь, закричаль разохотившійся Миша.
- Нѣтъ, другъ, нельзя, отозвался отецъ, тутъ нужно и умѣнье варить и терпѣнье мѣшать, а у тебя нѣтъ ни того, ни другаго. Ты намъ какъ разъ, вмѣсто клейстеру, наваришь клецокъ!

Вскорѣ вбѣжали Аля съ Линой, и перецѣловавшись со всѣми, проворно усѣлись за работу. Мало по-малу дѣти стали посматривать на Линочку, у которой быстро вертѣлся чулокъ и мельтешили спицы.

- Лина, спросила Саша, ты это нарочно трясешь чулками, или въ самомъ дълъ вяжешь?
- Да, вяжу, отвъчала Линочка, не совсъмъ понимая вопроса.
- А ты, Саша, погляди, что она навязала, говорила Аля, вытягивая съ вершокъ бълаго, свъжаго вязанья.

— Линочка счастливая, проговорили дѣти, глядя на ея работу, — совсѣмъ и не замѣтно, чтобы ты вязала, кажется, будто только такъ трясешь чулкомъ, а ужь сколько прибыло!

Между тѣмъ дѣти какъ переговаривались, посматривая на Линину работу, Зина сидъла задумавшись; у было что-то неспокойно на душѣ, досадовала на Лизу за то, что Лиза при всъхъ расплакалась; а и того досаднъе была Зинъ огласка: она чувствовала, что братья и стоятъ Лизу, а ее молча сестры **3a** осуждаютъ. Она и рада была бы, сама передъ собою, обвинить сестру, но видъ Лизы, которая передъ отъездомъ разъ пять время обмахивалась все мылась, И чтобы скрыть платкомъ, свои слезы, то, какъ она пряталась ПОТОМЪ И бабушки, - все это смягчало дъвочку и удерживало обычной отъ eeнесправедливости ея.

— Ну чтоже, подумала она, наконецъ, — коли ей такъ хочется, такъ ужь пускай стульчикъ будетъ ея!

Вдругъ слышитъ она голосъ разгорячившейся Лизы: – «Неправда, Миша, неправда! Саша не жалобница,» который мальчику, говорила она переставаль ворчать и дуться на сестру, за то, что она обратила вниманіе отца Мишу, который, желая одинъ пользоваться ножницами, пряталь ихъ отъ братьевъ. «А ужь коли кто жалобница, продолжала Лиза, почти шепотомъ, такъ это Зина: она всегда, всегда жалуется на меня мамъ, особенно, когда прівдемь изъ гостей, за все жалуется, говорило переполненное горемъ сердечко: и за то, что я перемялась, и за то, что растрепалась, и что съ гостями говорить не умъю, и съ Ниночкой не дружусь; а какъ я съ нею дружиться стану? она ходитъ со мной только, пока съ нею не заговорятъ большіе. Зина совсѣмъ не то, что я, она умъетъ разговаривать, сама про всъ наряды помнитъ, а я ничего не знаю. Ниночка говоритъ, что я глупая, а мама на меня сердится! Мнѣ такъ невесело ВЪ гости **ѣздить**,» Лиза, закончила тяжело вздохнувъ.

- A, а, такъ я по твоему жалобница! хорошо же, думаетъ Зина – пускай я буду жалобница, ничего, утъшаетъ она самое прикачивая головой; доброе И намъреніе, уступить стульчикъ, какъ испуганная пташка отлетъло отъ нея. Лизинъ жалобный шепотъ настроилъ Зину на обыкновенный ладъ, считать себя всегда и во всемъ правою, а всъхъ прочихъ, замъшанныхъ въ ея дъло, виноватыми.
- Миша, ты что надулся, какъ мышь на крупу? спросила бабушка, глядя на отдутыя губы внука. Мальчикъ молчалъ, поглядывая изподлобья то на того, то на другаго; онъ также считалъ себя правымъ, и по его мнѣнію, обиженнымъ. Саша нажаловалась, а отецъ строго посмотрѣвъ, покачалъ на него головой. И всѣ это видѣли, думаетъ онъ, сердясь, и сестры и братья также, а Алеша даже обрадовался, думаетъ Миша, все болѣе и болѣе краснѣя и дуясь.
- Что же ты молчишь? повторила старушка, дъти, сказала она обращаясь къ внучатамъ что онъ, поръзался что ли?

- Нътъ, нътъ, закричало нъсколько голосовъ; и при этомъ разсказали бабушкъ, какъ Миша завладълъ ножницами, и какъ онъ всякій разъ что отръжетъ, прячетъ ихъ подлъ себя, подъ бумагу и не даетъ братьямъ.
- Саша жалобница! громко крикнулъ Миша.
- Точно ты, Миша, изъ пушки выпалиль, сказаль Алеша. Отецъ съ матерью переглянулись, и Софья Васильевна наклонилась къ работъ, чтобы скрыть улыбку, появившуюся при върномъ замъчаніи Алеши.
- Чьи же эти ножницы? спросила бабушка, подходя къ столу и разсматривая ихъ.
- Мои, матушка, коротко отвѣчалъ Михаилъ Павловичъ, не желая мѣшать старушкѣ въ разспросахъ; онъ зналъ ея умѣнье идти въ уровень съ дѣтской мыслію и постепенно развивать ее въ нихъ.
- Да, да, это твои бумажныя ножницы, говорила она, припоминая ихъ, ты ихъ Мишъ далъ?

- Нътъ, я ихъ ему не отдавалъ, я принесъ папку, ножницы и бумагу для всъхъ насъ сообща.
- А, а, а.... А ты, Миша, продолжала она, обращаясь къ мальчику, общее добро прибралъ для себя одного, и она пристально поглядъла на внука, который, по мъръ того, какъ начиналъ понимать свою неправду, тихонько опускалъ глаза и смиренно стоялъ, алъя румянцемъ совъсти, а не гнъва.
- Такъ дѣлаютъ, дружокъ, люди недобрые и не совсѣмъ честные, прибавила старушка, и потомъ ласково взглядывая на Мишу, сказала: а мой внукъ хочетъ еще въ дѣтствѣ привыкать быть мальчикомъ честнымъ и справедливымъ, и потому онъ строго будетъ присматривать за собою, а потомъ, впослѣдствіи, и за Любой, чтобы чужимъ добромъ не пользоваться одному, а общее дѣлить поровну!

Миша вздохнуль и тихонько подняль глаза на бабушку. Старушка, ласково глядя на него, подала Мишѣ ножницы и велѣла ему самому отвести имъ на столѣ такое

мѣсто, которое для всѣхъ было бы одинаково удобно. Эта задача понравилась ребенку, онъ полѣзъ на столъ, и разъ пять перекладывалъ ихъ, отбѣгая и посматривая со стороны, вѣрно ли онѣ лежатъ; замѣтно было что и Алеша принялъ бабушкину науку къ сердцу.

- Ну, а ты, сказала бабушка, подходя сзади къ Сашѣ и запрокидывая ея головку: чѣмъ ты брата разсердила, за что онъ тебя назвалъ жалобницей? И не дожидаясь ея отвѣта, продолжала ее спрашивать: Прежде чѣмъ ты отцу сказала, говорила ли ты брату?
- Я ему двадцать разъ говорила, чтобы онъ не пряталъ ножницъ, торопливо отвъчала Саша.
- Потише, потише, сказала старушка смѣясь, будетъ съ него и двухъ, трехъ совѣтовъ.
- Саша три раза останавливала Мишу, вполголоса проговорила акуратная Лина.
- И довольно съ нее, шутливо сказала бабушка, трепля Сашу по щечкѣ, чтобы

не слыть ябедницей или какъ бишь Миша сказаль? — Жалобницей, подсказали дъти.

— Да, жалобницей; жалобница, по моему, та, которая не предостерегаеть и не уговариваеть виноватаго, а какъ бы радуясь его винѣ, спѣшитъ разсказать старшимъ, слушаеть съ удовольствіемъ какъ бранятъ виноватаго, а сама въ душѣ своей радуется, что вотъ—де я не такая, а я хорошая!

Зина опять задумалась; ей невольно пришло въ голову, какъ, возвращаясь изъ гостей, она весело бѣжитъ къ матери и торопится ей разсказать все хорошее о себѣ, и такъ же торопливо разсказываетъ о Лизѣ, то, за что сестру навѣрно побранятъ. Это раздумье, какъ легкое облачко, нанеслось на себя-любивую Зину и омрачило ее.

- Дядя, какъ бы надумавъ что, закричалъ Алеша: скажи намъ, какой самый лучшій островъ въ свѣтѣ?
- Чѣмъ лучшій, Алеша, жителями или климатомъ, или богатствомъ золота и камней?

Алеша на минуту задумался. «На что намъ жителей?» сказалъ онъ вполголоса, глядя на дътей; — нътъ дядя, назови такой, чтобы все, все росло на немъ, и апельсины и виноградъ, и пальмы, и кокосы...

- И печеные каштаны, подсказала маленькая Мери, страшная охотница до нихъ.
- Мери, Мери, съ хохотомъ закричали дѣти, развѣ они печеные ростутъ!
- Нътъ, я знаю, что все ростетъ сырое, да я думала о тъхъ, которые люблю ъсть, они такіе вкусные!
- Папа, и чтобы арбузы и вишни росли, кричалъ Миша, упираясь ладонями о столъ и высоко подпрыгивая.
- И дыни и персики! прибавили Лиза съ Сашей.
- сахарный — И тростникъ также, торопливо сказалъ Алеша, – онъ долженъ быть такой вкусный! Помните, что писано о «Швейцарскомъ Робинзонъ?» немъ ВЪ дътей, которыя спросилъ онъ весело кивнули ему, въ знакъ согласія.

- А вамъ надо большой островъ? весело дядя, догадываясь, что спросилъ дѣти собираются переселиться. Bc⁺b переглянулись между собой: имъ величина не приходила острова еще ВЪ голову; помолчавъ немного, кто-то сказалъ: - Съ вашъ садъ! Сережа, не совсъмъ довърявшій возможности переселенія, увлекся однако прелестью этой мысли, почти столько же, прочіе; всѣ большой дядинъ московскій садъ показался ему слишкомъ малымъ, и онъ, подумавъ, сказалъ: бы Можно квадратную СЪ версту, И поболве.
- Да, да, закричали дѣти, захлопавъ въ ладоши, — съ версту или двѣ.

Величина острова такъ понравилась всъмъ, что дъти, по обычаю, бросились обниматься: Саша съ Лизой, а Мери потянулась къ Сережъ. Одна Лина сидъла задумавшись; ей очень нравились дътскіе планы, но она не знала примутъ ли ее съ собою. Точно угадавъ мысли своей сосъдки, Аля вдругъ закричала: — Дъти,

слушайте, вѣдь мы и Лину возьмемъ съ собой?

- Разумѣется, закричали всѣ въ голосъ, Лина такая славная! Линочка вспыхнула отъ радости. Большіе голубые глаза ея такъ благодарно взглянули на всѣхъ.
- Спасибо, сказала она, глубоко и радостно вздыхая, все болѣе и болѣе краснѣя; тихонько улыбаясь, опустила она голову въ работу, спицы чулка еще быстрѣе замелькали въ проворныхъ пальчикахъ, а дѣтская улыбка то сбѣжитъ, то опять набѣжитъ: видно было, что дитя очень счастливо!
- Замѣчательная вещь, говорилъ Михаилъ Павловичъ, подошедшей къ нему женѣ, замѣчательная вещь эти дѣтскія переселенія! кто изъ насъ не игралъ или не тѣшился подобной мыслію!
- Маменька, помнишь ли ты нашъ островъ и наше первое переселеніе туда? спросилъ Михаилъ Павловичъ мать свою.
- Конечно помню, отвѣчаластарушка, даже и теперь на немъ

замѣтны слѣды вашей пашни; а какъ разрослись батюшкины ветлы по берегу! Изъ вашихъ кленковъ вышла цѣлая роща.

Передъ умственными очами старушки мелькнули пышная кленовая роща и серебристыя ветлы по берегу, знакомое озеро съ островкомъ, и будто послышался ей тихій прибой волнъ.

— Маменька, сказалъ Михаилъ Павловичъ, помолчавъ немного, — какую прекрасную картину ты мнѣ напомнила — видъ изъ оконъ твоей комнаты: луговой скатъ къ озеру и нашъ островъ!

Старушка задумчиво и нѣжно улыбнулась, ей не разъ уже случалось въ одно и тоже время съ сыномъ, думать одну и туже думу. Мудрено ли такое духовное сродство у матери, которая не только вскормила и выростила сына, но нравственно взлелѣяла и развила его душу!

- Дядя, ты жилъ одинъ на острову?
 спросилъ Сережа.
- О нътъ, дружокъ, насъ было цълое поселеніе; во-первыхъ, твой отецъ..... Заслыша про отца своего, Алеша такъ

подпрыгнуль отъ радости на стулѣ, что тотъ вылетѣлъ изъ-подъ него и перекувырнулся.

— Славная штука, Алеша! сказала Софья Васильевна, смѣясь надъ недоумѣньемъ мальчика, который, стоя надъ опрокинутымъ стуломъ, какъ-то нерѣшительно посматривалъ кругомъ себя. Попробуй-ка, дружокъ, выкинуть въ другой разъ такую, — не съумѣешь!

Кажется, слова матери надоумили Мишу въ свою очередь попробовать Алешину нечаянную шалость; замѣтивъ это, Аля, съ степеннымъ видомъ, покачала на него головой; мальчикъ любилъ ее, и всегда охотно слушался.

- A папочка также жилъ съ вами на острову? спросила Аля у дяди.
- Разумъется, онъ-то и былъ первый коноводъ, да сестра Машенька.
- Мама! вскричала Зина, о какъ я рада! Зина радовалась тому, что слышала о дътствъ матери своей; замыслы дътей ей очень нравились, но она не смъла ими тъшиться, безъ разръшенія матери, которая, къ сожальнію, Ниночкину

подражая воспитанію, пригнетала и глушила въ дътяхъ своихъ все дътское.

- Да, дружокъ, мать твоя была первая зачинщица и изобрѣтательница всевозможныхъ игръ и забавъ, сказалъ Михаилъ Павловичъ.
- Дядя, папа, душка, быстро посыпалось со всѣхъ сторонъ, разскажи, какъ вы жили на острову, и много ли васъ тамъ было? кричали дѣти, побросавъ работы и окруживъ дядю.
- Хорошо, пожалуй, сказаль Михаиль Павловичь, но только воть что: Соничка, сказаль онъ Софьв Васильевнв, покажемъ примвръ, какъ люди работають и слушають въ одно и то же время, а то бабушка не позволить мнв разсказывать.

Дъти взялись за чулки, мальчики за свое дъло, и хотя много не наработали, но увидали, что можно дълать два дъла разомъ.

— Вы слышали, дѣти, началъ Михаилъ Павловичъ, что братья: Алексѣй и Сергѣй, да сестра Машенька, тотчасъ послѣ смерти матери своей, родной сестры бабушкиной,

перевхали житье: братья КЪ на намъ оставались все время у насъ, и учились со поступленья до нашего университеть; сестру же Машеньку, года чрезъ два, увезла отъ насъ въ Петербургъ ея бабушка, мать отца. Но главная наша распорядительница была покойная моя была сестра, она такая умная, мастерица на все, а главное, такъ умъла рѣзвыми мальчиками СЪ заставлять насъ слушаться, что бывало, въ какой игръ замъшана была сестра, ту отецъ нашъ и мать тотчасъ разрѣшали намъ. Ейто мы и были обязаны, что намъ позволили поселиться на острову.

- Дядя, спросилъ Сережа, старѣе или моложе тебя была сестра твоя?
- Я и Машенька, мать Зины, были самые младшіе; намъ тогда, какъ мы выпросили позволеніе переселиться на островъ, было по 10 лѣтъ, а сестрѣ моей Сашѣ, около пятнадцати.
- Дядя, съ изумленьемъ спросила Зина,
 она такая большая и играла съ дътьми!

- Играла, да еще какъ! и Михаилъ Павловичъ, перенесясь мысленно въ былое, продолжаль: — сестра моя была рѣдкое, милое дитя, ее все занимало, все радовало: дѣльные разговоры взрослыхъ, нововведенія хозяйственныя химическіе опыты дяди, разсказы историческіе или описательные, **BCC** ЭТО заслушиваться заставляло ee полуночи. Старикъ засиживаться ДО ученый нашъ, садовникъ былъ естествоиспытатель, первымъ ея другомъ, а мы, дъти, ея первой заботой и забавой; какъ только замъчала она, что мы ходимъ повъся головы, что игры у насъ не клеятся, сейчасъ спъшила она на помощь, и заигрывается съ нами до того, что на ея ръзвый смъхъ, выползалъ дѣдъ нашъ, садился насупротивъ насъ, посмѣивался и покачивалъ головою на свою любимицу!
- Матушка! быстро сказалъ Михаилъ Павловичъ, мнѣ кажется, что отецъ настоятель не даромъ говаривалъ, что на Сашѣ опочилъ миръ и благодать Божья; мнѣ кажется, что на ней оправдались слова

Спасителя: будьте, какъ дъти, такихъ бо есть царствіе Божіе!

Святой, полный упованія взглядъ матери быль ему отвѣтомъ.

- Дядя, опять спросила Зина, любила тетю моя мама?
- Кто же не любилъ ее? съ дъда нашего и до послъдняго деревенскаго ребенка – всъ ее любили! Мать же твоя привязалась къ ней такъ, что всѣ прозвали ее тѣнью Сашенькиной. – Еще были съ нами трое внучатныхъ братьевъ, дъти матушкиной двоюродной сестры; но нътъ, постойте, они пріъхали позже, на второй годъ. Первое переселенье наше было очень неудачно, потому что мы слишкомъ нетерпъливо и самонадъянно начали дъло: не смотря на убъжденія сестры, мы на первыхъ порахъ объявили очень ръшительно, желаемъ быть дикими, и вовсе не хотимъ видъть людей, ни даже на берегу противъ нашего острова. Мы требовали, чтобы насъ навъщалъ, кромъ сестеръ, не никто которыхъ МЫ одного считали СЪ нами племени; мы увъряли, что намъ ничего не

будемъ что довольствоваться нужно, сухарями, заготовленными нами, и рыбою, которую мы сами умъли ловить. Отецъ согласился на все, но подъ конецъ сдѣлалъ слъдующее заключеніе: «Такъ какъ дикій, не письменный, народъ TO не нуждаетесь ни въ книгахъ, ни въ бумагѣ, ни въ карандашахъ, и потому ничего такого не должны брать съ собой.» Не думая долго, мы и на это ударили по рукамъ, и хотъли тотчасъ собираться; однако старшая сестра уговорила насъ напередъ осмотръться на острову, свести туда все, что нужно для взять лубковъ, шалаша, подмостки, на вмѣсто кроватей, и устроиться такъ, чтобы полу, иначе матушка спать на боясь отпустить соглашалась насъ, лихорадки, которая легко пристаетъ, когда спишь на землъ. Сестры собирали намъ посуду, укладывали яйца, хлѣбъ, соль, нарубили медъ, огурцы проч.; И МЫ хворосту выстроили на живую И нитку шалашъ.

Наконецъ насталъ желанный день: распростясь второпяхъ съ родителями,

няней и учителемъ, мы нагрузили маленькій паромецъ, который быль устроенъ между берегомъ и островомъ, и насилу притащили козу: должна сестрину она переселиться съ нами. Много бъготни было за нашими курами, которыя летали и не давались въ руки: мы не подумали посадить ихъ съ вечера сонныхъ въ корзины; но наконецъ кое-какъ справились съ ними и берега. стали отваливать отъ Любимыя собаки наши: Богатырь и Буянъ, глядя на отъѣздъ нашъ, взвыли и бросились вплавь за нами; смъху и радостямъ конца не было! Выйдя на островъ, на которомъ и прежде мы довольно часто бывали (теперь считали себя хозяевами на немъ), точно послъ кораблекрушенія, бросились на землю, цъловали ее, прыгали, кидая шапки вверхъ; съ нами же за одно визжали и прыгали Буянъ съ Богатыремъ, отряхиваясь обдавая насъ брызгами; коза припавъ къ ветлѣ, трудилась надъ корою дерева; куры, съ большимъ удовольствіемъ, разлетълись по волъ. Сестры оставались съ нами до солнечнаго заката, а вечеромъ мы

ихъ переправили, и онъ объщали къ намъ прівхать завтра, какъ справятся съ двлами. еще гуляли, МЫ наконецъ, разостлавъ на подмосткахъ, ТУЛУПЪ улеглись втроемъ; но подмостки наши въ ту же ночь разсыпались подъ нами, потому что мастерили зря. МЫ ихъ небольшомъ ночномъ вътръ, весь же шалашъ повалило, заваливъ насъ вътвями; мы, сонные, едва выкарабкались изъ-подъ прижавшись тѣсно другъ нихъ, и дружкъ, снова улеглись на тулупъ.

Сначала комары не давали намъ уснуть, потомъ собаки пришли обижать насъ, имъ понравился тулупъ и они безцеремонно расположились съ нами. Какъ бы то ни было, конецъ ночи мы проспали мертвымъ сномъ и проснулись, когда уже солнце взошло, — а намъ зарѣ на надо наловить рыбы, потому что она по зарямъ лучше клюетъ. Собравъ удочки, мы пошли на ловлю, но туть оказалось, забыли припасти червей для наживки. Что Рѣшили дѣлать? сдѣлать набѣгъ на сосъдній материкъ; спустились МЫ КЪ

парому, и видимъ, что у насъ въ ломъ ставни открывають и на матушкиномъ окнъ зашевелилась подзорная труба; ее наводили замѣтя на насъ: это, мы, прилично дикарямъ, пустились въ бъгство, спрятались за ветлы и стали совътоваться идти ли на промыселъ за червями, удовольствоваться тъмъ. сегодня Думали, сестры намъ надавали вчера. думали, наконецъ рѣшили не ходить материкъ, а то тамъ, пожалуй, подумаютъ, что островитяне не могутъ обойтись безъ ихъ помощи. Мы отправились за козой, чтобы подоить ее, но она такъ одичала на привольѣ, такихъ концовъ задала на острову, что прогонявшись **3a** СЪ нею измученные, вернулись полчаса, ВЪ МЫ шалашъ, прямо къ своимъ запасамъ; HO Буянъ върные друзья наши, СЪ здѣсь Богатыремъ, позавтракали ранъе нашего, перевли и передавили всв яйца, съѣли весь хлѣбъ, оставя намъ немного ржаныхъ сухарей; меду и огурцовъ они не тронули. Позавтракавъ этими остатками, мы сѣли ПОДЪ ветлы дожидаться сестеръ;

наконецъ онъ показались. Въ одну минуту мы подали паромъ; радость была обоюдная, обнимались, какъ послъ годовой разлуки! Наговорившись вдоволь, сестры выложили скромные гостинцы, которые, по строгимъ наказамъ, онъ принести, оговорясь, рѣшились ЧТО ЭТО собственный объдъ. He ихъ выждавъ объденнаго времени, раздѣлили МЫ краюшку пирога и жареную курицу, и ѣли, присматривая другъ другомъ, чтобы за чище обгладывали косточки. Впослъдствіи матушка говаривала, что жизнь на острову большую принесла пользу: намъ сдълались менъе самонадъянными и менъе причудливыми въ пищъ. Сестры ушли отъ насъ ранъе, у нихъ было занятіе дома; Машенька, передъ закатомъ солнца, принесла намъ червей для удочекъ, и хлъба про нашъ обиходъ. Рыбная ловля удачно, на ужинъ мы сварили уху, рано утромъ принялись опять за ловлю, и опять ъли уху. Однако бездълье наше начало намъ надоъдать, но мы еще кръпились и не говорили этого другь другу. Друзья наши,

собаки, измънили намъ еще наканунъ: заслыша посвистъ псаря, скликавшаго собакъ къ овсянкъ, онъ разомъ бросились и переплыли на другой берегъ; вечеромъ, правда, онъ вернулись, но мы имъ не очень рады были, потому что онъ жались и лъзли мокрыя на тулупъ, сталкивая насъ съ него. На третій день мы очень повъсили носы; я скучаль по книгамь, а болье всего по отцу и матери. Когда же пришло время вечеромъ разставаться съ сестрами, то я обнялъ сестру, и не отпуская рукъ плакалъ. Она поняла причину слезъ моихъ, И сказала, что объщала дома привести и маленькаго дикаго, котораго показать Пятницей; подражаніе зовутъ ЭТО Робинзоновой Пятницъ всъмъ понравилось.

- А какъ я не вернусь, спросилъ я братьевъ.
- Что же, какъ хочешь, отвъчали они, и кажется сами были бы рады домой, подъ какимъ угодно именемъ, хоть подъ своимъ подлиннымъ; но еще остались на острову. Я же вбъгая въ домъ, радовался еще болъе, чъмъ дня три тому назадъ, высаживаясь на

островъ. Меня назвали дикимъ, и подлинно я быль такимъ! Загорълый, вскосмаченый, я бросался ко всъмъ и обнимался со всъмъ домомъ; на предложенный мнѣ матушкою чай, я бросился, какъ бросается Буянъ съ Богатыремъ на свистъ къ овсянкъ; отецъ посмѣивался, мать молчала, Разумъется, не Я вернулся вечеромъ на островъ; на другой же день мы съ сестрами пошли зазывать и братьевъ. Долго уговаривать было ихъ особенно когда услыхали они, что безъ насъ получены съ почты книги, и между ними какія-то «Мертвыя души» Гоголя, очень смъшныя, которыя отецъ разръшаетъ намъ читать. – Мигомъ опустълъ островъ.

- Дядя, скажи, кто больше радовался вернуться домой, спросиль Алеша, мой отець или Алинь?
- Ну, дружокъ, ужь это ты ихъ спроси, отвъчалъ Михаилъ Павловичъ, они оба прыгали и визжали отъ радости, какъ прыгаютъ около матерей молодые жеребята. Отецъ мой сначала подсмъивался

надъ нами, но послѣ прибавилъ, что ничуть не дивится тому, что мы соскучились безъ дѣла, и что если затѣвать такую игру, то надо селиться дѣльнѣе, разсчитывая на болѣе толковую жизнь, а не кидаясь на одно только заманчивое раздолье свободы и гулянокъ. Безъ прямой цѣли, безъ дѣла и труда, человѣкъ прожить не можетъ.

Весь день вертълась у дътей въ головъ и на языкъ эта попытка отцовъ ихъ въ дътствъ прожить своимъ промысломъ на острову; много судили, осуждали, измъняли они, точно будто сами испытали всъ неудачи эти и готовились исполнить дъло лучше. Наконецъ смерклось, подали огня, при свъчахъ еще немного поработали, и стали собираться домой.

Мъсяцъ свътло блеститъ на небъ, звѣзды снѣгъ горятъ, частыя такъ И трое искрится, днемъ; какъ санокъ отъвхало отъ подъвзда. – Прощай, Лина! раздается прощай, Аля! Меринъ голосокъ. – Прощайте! кричатъ Лиза съ Зиной; — прощай, прощайте! раздается изъ Шибко бѣжитъ отъъзжающихъ санокъ.

лошадка, санки съ визгомъ скользятъ по снъгу, а подлъ нихъ синяя тънь съ такою же бойкой лошадкой и съ такими же маленькими съдоками скользитъ по бълой дорогъ. Весело Лизъ съ Зиной глядъть, то на тънь, что бъжитъ подлъ нихъ, то вскинувъ глаза на голубое звъздное небо; весело дътямъ, они провели мирный день вмъстъ, не ссорясь и не хоронясь отъ старшихъ!

Въ передней дѣти узнали, что у матери гости; не раздѣваясь они весело пробѣжали въ дѣтскую; но проходя мимо маленькаго кресла-качалки, Лиза тяжело вздохнула и стала понуря голову раздѣваться.

Зина, услыхавъ вздохъ, поняла его; проворно оправясь и пригладясь, она побъжала къ матери. Едва ли не впервые вошла дъвочка къ гостямъ, не думая о томъ, какъ бы показаться, какъ бы милъе поклониться и какъ бы поумнъе отвътить. Вошла она просто, съ желаніемъ въ сердцъ, съ просьбою въ глазахъ; раскланявшись со всъми, бросилась она къ матери на шею, и обнимая ее, полушепотомъ просила

позволенья уступить стуликъ Лизѣ. Удивленная мать громко спросила: — На что? Я тебѣ его подарила, а ты, какъ старшая, должна оставить его себѣ на память.

- Мама, милая мама, позволь, шептала Зина, цѣлуя и обнимая мать, позволь мнѣ отдать его Лизѣ, она больше моего любила Лилиньку, она всегда ее укачивала на немъ! При этихъ словахъ поцѣлуй зазвенѣлъ почти въ самомъ ухѣ матери; этотъ нежданный поцѣлуй сначала оглушилъ мать, потомъ порѣшилъ дѣло.
- Позволяю, мой ангель, пусть будеть по твоему! сказала Марья Романовна дочери, потомъ прибавила, обращаясь къ гостямъ: Вы не повърите, какая она у меня женерозная!

Похвалы гостей посыпались на Зину, но она стрѣлой летѣла по комнатамъ, а за нею, какъ въ погоню, раздавалось на распѣвъ: — Это рѣдкое, ангельское сердце!

Чистое, нравственное чувство тяготится и оскорбляется похвалой; какъ деревцо «не тронь меня», оно судорожно вздрагиваетъ,

листочки и вѣточки его мгновенно сжимаются отъ грубаго невнимательнаго прикосновенія.

Запыхавшаяся дѣвочка вбѣжала въ дѣтскую, и двигая къ Лизѣ креслецо, съ трудомъ проговорила:

— Возьми стуликъ, онъ твой навсегда, и я его не отыму у тебя!

Удивленная и обрадованная Лиза стояла съ минуту молча, потомъ бросилась къ сестрѣ; обнимая она засыпала ее поцѣлуями, цѣловала ей шею и даже руки.

Зина, лежа въ постели, плакала про себя; что-то новое, неясное пробуждалось въ ней. Если бы бабушка видѣла ее, то поняла бы, что въ душѣ ребенка начинаетъ мерцать новый свѣтъ; и старушка благословила бы внучку на этотъ новый нравственый путь.